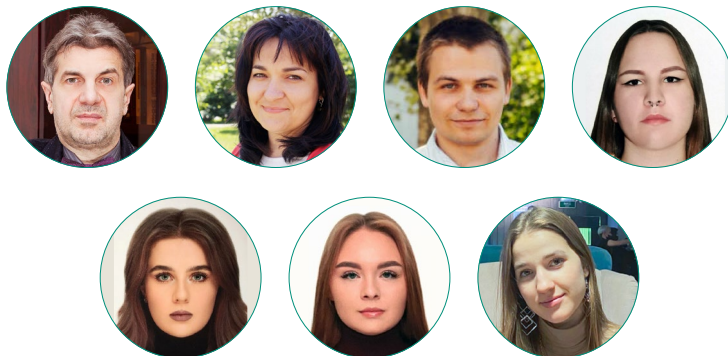

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2011](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2011)

**В. Б. Звоновский, Ю. В. Соловьёва, А. В. Ходыкин, А. М. Азимова,
А. А. Кожевникова, Е. С. Акимова, А. А. Елови́кова**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ОППОЗИЦИИ НА ПРИМЕРЕ АКЦИЙ ПРОТЕСТА В ЯНВАРЕ 2021 ГОДА

Правильная ссылка на статью:

Звоновский В. Б., Соловьёва Ю. В., Ходыкин А. В., Азимова А. М., Кожевникова А. А., Акимова Е. С., Елови́кова А. А. Политическая мобилизация российской оппозиции на примере акций протеста в январе 2021 года // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 386—409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2011>.

For citation:

Zvonovsky V. B., Solovyova Y. V., Khodykin A. V., Asimova A. M., Kozhevnikova A. A., Akimova E. S., Elovikova A. A. (2021) Political Mobilization of the Russian Opposition on the Example of Protests in January 2021. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 386–409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2011>. (In Russ.)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ РОС- СИЙСКОЙ ОППОЗИЦИИ НА ПРИМЕРЕ АКЦИЙ ПРОТЕСТА В ЯНВАРЕ 2021 ГОДА

ЗВОНОВСКИЙ Владимир Борисович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия
E-MAIL: zvb@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0002-8805-9028>

СОЛОВЬЁВА Юлия Васильевна — социолог-аналитик, руководитель аналитического отдела, Фонд социальных исследований, Самара, Россия
E-MAIL: j.solovieva@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0002-1454-3853>

ХОДЫКИН Александр Владимирович — кандидат социологических наук, социолог-аналитик, Фонд социальных исследований, Самара, Россия
E-MAIL: a.khodykin@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

АЗИМОВА Алина Михайловна — студентка, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия
E-MAIL: aa2465356@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7921-9723>

КОЖЕВНИКОВА Анна Александровна — студентка, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия
E-MAIL: kogevaa345@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7316-962X>

АКИМОВА Елена Сергеевна — студентка, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия
E-MAIL: esakimova69@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6961-6020>

POLITICAL MOBILIZATION OF THE RUS- SIAN OPPOSITION ON THE EXAMPLE OF PROTESTS IN JANUARY 2021

Vladimir B. ZVONOVSKY¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor of the Department of Sociology and Psychology
E-MAIL: zvb@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0002-8805-9028>

Yulia V. SOLOVYOVA² — Sociologist-analyst, Head of the Analytical Department
E-MAIL: j.solovieva@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0002-1454-3853>

Alexander V. KHODYKIN² — Cand. Sci. (Soc.), Sociologist-analyst
E-MAIL: a.khodykin@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

Alina M. ASIMOVA¹ — Student
E-MAIL: aa2465356@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7921-9723>

Anna A. KOZHEVNIKOVA¹ — Student
E-MAIL: kogevaa345@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7316-962X>

Elena S. AKIMOVA¹ — Student
E-MAIL: esakimova69@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6961-6020>

¹ Samara State University of Economics, Samara, Russia

² Social Research Institute, Samara, Russia

ЕЛОВИКОВА Анастасия Алексеевна — студентка, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

*E-MAIL: nastyaelov0903@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-6468-0856*

*Anastasia A. ELOVIKOVA¹ — Student
E-MAIL: nastyaelov0903@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-6468-0856*

¹ Samara State University of Economics,
Samara, Russia

Аннотация. В статье на примере акций протеста января 2021 г. исследована политическая мобилизация российской оппозиции. На основе данных телефонного опроса, репрезентирующих население России ($N = 1051$), авторы прослеживают отражение политической мобилизации в общественном мнении. На базе материалов качественных интервью с участниками акции 21 января 2021 г. в Самаре ($N = 23$) рассматриваются практики протестной мобилизации участников акций в поддержку Алексея Навального. Результаты исследования показывают, что, оппозиции впервые с 2012 г. удалось широко мобилизовать информационные ресурсы и поднять уровень информированности об акциях до 90%. В то же время привлечь на свою сторону невовлеченных в оппозиционную активность россиян скорее не удалось: уровень одобрения протестов среди населения составляет 13%, и только каждый десятый участник опроса (9%) высказал желание принять участие в подобных протестных акциях. Основными каналами протестной мобилизации стали социальные сети. Выявлен высокий уровень протестной самоорганизации участников январских акций в Самаре — большинство из них способны самостоятельно координировать свои действия на акциях. Таким образом, для современного российского протестного движения характерен переход от вертикальной к горизонтальной протестной мобилизации,

Abstract. The paper examines the political mobilization of the Russian opposition using the example of the protests that took place in January 2021. Based on telephone survey data representing the population of Russia ($N = 1051$), the authors trace the reflection of political mobilization in public opinion. This data is supported with materials of qualitative interviews with the participants of the action on January 21, 2021 in Samara ($N = 23$), which allows to study the practice of protest mobilization aimed at supporting Alexei Navalny. The results of the study show that, for the first time since 2012, the opposition managed to widely mobilize information resources and raise the level of awareness of the actions to 90%. At the same time, it was rather impossible to win over Russians who were not involved in opposition activity: the level of approval of the protests among the population is 13%, and only every tenth survey participant (9%) expressed a desire to take part in such protest actions. Social networks have become the main channels of protest mobilization. The authors reveal the high level of protest self-organization of the participants in the January actions in Samara; however, most of the participants are able to independently coordinate their actions. Thus, the modern Russian protest movement is characterized by a transition from vertical to horizontal protest mobilization, a striking example of which is the 2020 protest actions in Belarus.

ярким примером которой являются акции протеста 2020 г. в Беларуси.

Ключевые слова: протесты, мобилизация, митинги, социология протеста, Алексей Навальный, Владимир Путин, оппозиция, социальные движения

Keywords: protests, mobilization, rallies, sociology of protest, Alexey Navalny, Vladimir Putin, opposition, social movements

Введение

Достижение социальными движениями политических целей невозможно без массовой мобилизации сторонников, которая становится основой любых политических акций. О. Н. Яницкий выделяет четыре мобилизационных состояния человека или сообщества:

- 1) мобилизация как социальная норма,
- 2) обладание мобилизующим знанием,
- 3) готовность к мобилизации,
- 4) мобилизационное действие [Яницкий, 2012].

И. Н. Дементьева подробно проанализировала три группы теорий, объясняющих протестные общественные движения: концепции коллективного поведения, относительной депривации и мобилизации ресурсов [Дементьева, 2013]. Политическая мобилизация как фактор социальных изменений и трансформации политических систем подробно исследована в работах известных теоретиков политической науки [Тилли, 2019; Eisenstadt, 1978; Rosenau, 1990].

Для большинства представителей концепций коллективного поведения характерен психологический редукционизм объяснительных моделей (Г. Лебон, Г. Блумер, Г. Тард, Г. Олпорт, Х. Ортега-и-Гассет): они трактуют протестные действия как тип коллективного поведения и объясняют их при помощи моделей «психологии толпы», описывающих изменение индивидуальных поведенческих особенностей людей под влиянием их одновременного действия в условиях большой массы людей (толпы). Другие авторы, такие как Н. Смелзер, исследуют политический протест как социальный феномен, объясняющийся условиями общества, в котором реализуются протестные действия: уровнем доверия к власти, отношениями между различными социальными группами, развитием институтов, действиями правоохранительных органов и т. д. (цит. по [Дементьева, 2013]).

Концепции относительной депривации объясняют протестные действия возникновением социального напряжения вследствие отчуждения определенных групп от ресурсов, наличия в социальной системе препятствий для достижения их целей и попрания ценностей, важных для готовых бороться за них людей. Ключевым автором этого направления можно назвать Р. Мертона, исследовавшего мятеж как реакцию коллективного приспособления людей к не удовлетворяющей их интересы социальной системе [Merton, 1938]. При этом следует подчеркнуть различие в мотивах протеста между защитой собственных материальных интересов и отстаиванием ценностей. В первом случае человек борется за то, чтобы получить или не отдать полагающиеся ему по праву ресурсы. Во втором — за то, чтобы

государством не попирались значимые для него ценности, даже если он лично не пострадал от их разрушения.

Концепции мобилизации ресурсов исследуют протесты как институционализированное конфликтное рациональное действие, предполагающее мобилизацию социальными субъектами имеющихся у них ресурсов для достижения политических целей [Дементьева, 2013]. Для нашей работы особый интерес приобретает теория протеста Ч. Тилли, который исследовал протест как коллективное действие по изменению существующего социального порядка и уделил особое внимание проблеме мобилизации ресурсов протеста. В своей ключевой работе «От мобилизации к революции» он выделил четыре условия и составных части протеста:

- 1) организация участников,
- 2) мобилизация (распространение информации, материальное снабжение, привлечение новых сторонников и т. д.),
- 3) наличие у участников протеста общих интересов,
- 4) благоприятные обстоятельства (нужное место и время, удача, сопутствующие события и т. д.) [Тилли, 2019].

Эти части являются последовательными этапами развития протеста: от организации к мобилизации, осознанию общих интересов и использованию конкретных возможностей для победы протестующих [Гидденс, 1999].

Опираясь на теорию действия Макса Вебера, можно также выделить целерациональную и ценностно-рациональную протестную мобилизацию. Целерациональная мобилизация предполагает протест как способ достижения политических целей (смены власти, отмены или принятия того или иного закона, изменения политических институтов и т. п.). Ценностно-рациональная мобилизация — это реакция на погрязшие властью ценности людей. В случае такой мобилизации протестующие не рассчитывают на политический эффект — они протестуют потому, что не готовы мириться с резко противной их ценностям ситуаций в стране. Пример ценностно-рациональной политической мобилизации — диссидентское движение в СССР.

Тематика политических протестов довольно подробно исследована в социальных науках, однако системы и модели политических действий быстро трансформируются. С целью получения актуальной информации относительно политической мобилизации сторонников оппозиции в условиях современной России авторы данной статьи провели собственное эмпирическое исследование.

Гипотезы исследования

1. Оценки экономической ситуации и перспектив ее изменения влияют на протестную мобилизацию россиян: чем пессимистичнее оценки, тем выше готовность к протестным действиям.

2. Отношение к президенту России влияет на протестную мобилизацию населения: негативно относящиеся к деятельности Владимира Путина на президентском посту склонны участвовать в акциях протеста.

3. Фильм «Дворец для Путина» стал ключевым фактором протестной мобилизации противников действующей власти: он получил среди них большую популярность.

4. Прошедшие в январе 2021 г. акции протеста широко известны среди населения. Уличная протестная активность не является для России привычной формой протестной мобилизации, поэтому уровень поддержки населением акций протеста невысок. Количество участников протестных акций не превышает 1% от всего населения.

5. Опасение политических преследований оппозиции — сильный сдерживающий фактор протестной мобилизации противников действующей власти: оно снижает уровень поддержки протестной уличной активности.

Эмпирическая база исследования

В основу работы легли два источника эмпирических данных:

1. Телефонный опрос жителей 78 регионов России, проводившийся с 31 января по 5 февраля 2021 г. методом CATI-опроса силами колл-центра Фонда социальных исследований ($N = 1051$). Средняя длительность интервью — 14,4 минуты. Выборка — случайная, RDD, только по мобильным телефонам. Каждому из респондентов совершалось не менее пяти попыток дозвона до результативного интервью или отказа. Опрос был поддержан частными спонсорами на основе краудфандинга в социальной сети Facebook, что отчасти покрыло расходы на его проведение.

2. Материалы качественного исследования участников акции протеста 21 января в Самаре, проводившегося 31 января — 5 февраля 2021 г. методом неформализованного интервью ($N = 23$) силами студентов кафедры социологии и психологии Самарского государственного экономического университета под руководством доктора социологических наук, профессора В. Б. Звоновского. Информанты рекрутировались в социальных сетях методом снежного кома.

Российский экономический кризис как фактор протестной мобилизации

Экономические проблемы влияют на оценки политического курса страны и могут стать фактором политической мобилизации граждан. Особое значение для политических выводов имеет восприятие произошедших изменений в краткосрочном периоде, поэтому в исследование введен блок вопросов о краткосрочной ретроспективной оценке респондентами изменений экономической ситуации. 2020 г. стал для россиян годом ухудшения их материального положения. По данным Росстата, реальные доходы жителей страны снизились на 3,5%¹. Опрошенные нами россияне также чаще негативно оценивают динамику изменения своего материального положения. По данным проведенного авторами опроса, снижение уровня материального достатка за последние 12 месяцев ощутили 42% россиян, в то время как улучшилось материальное положение лишь у 9% опрошенных.

Экономический спад 2020 г. затронул все без исключения возрастные группы, но сильнее всего он ударил по поколению 45—54-летних (52%). Среди занятого населения (не пенсионеров) ухудшение коснулось 44% респондентов. Значительное влияние на изменение материального положения оказывает уровень доходов. Среди обладателей низких доходов на одного позитивно оценившего произошедшие изменения (4%) приходится более тринадцати оценивших их негативно

¹ Росстат оценил масштаб снижения реальных располагаемых доходов россиян // РБК. 2021. 28 января. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2021/60129a749a7947cf1ca85d53> (дата обращения: 07.12.2021).

(59%), в то время как среди самых высокодоходных групп позитивные и негативные оценки относительно сбалансированы (17% и 21% соответственно). Кроме того, кризис ухудшил положение тех, кому уже было нелегко, и почти не повлиял на тех, кто живет относительно лучше других, что может стать значимым фактором усиления социального неравенства и социальной напряженности.

В ближайшем будущем россияне в большинстве своем не видят перспектив улучшения своего финансового положения. Лишь каждый седьмой (14%) верит, что его положение улучшится, а почти каждый четвертый (23%) опасается ухудшения. Иначе говоря, на двух оптимистов в России приходится около трех пессимистов. Большинство же (63%) считают, что их материальное положение в ближайший год не изменится; на фоне снижения доходов в 2020 г. это можно оценить как ожидание стабилизации в кризисном состоянии: люди думают, что снизившийся уровень жизни станет их новой финансовой реальностью.

Большинство отметивших ухудшение своего материального положения в 2020 г. прогнозируют или дальнейшее его ухудшение (39%), или его стабилизацию на данном пониженном уровне (50%). Более половины тех, кто смог улучшить свое материальное положение, прогнозируют его сохранение на достигнутом уровне (63%), а около трети (29%) из них ожидают дальнейшего роста. Таким образом, в ожиданиях россиян мы видим отражение эффекта Матфея (по Р. Мертону), когда тем, у кого уже есть достаточные ресурсы, получить новые становится значительно проще. Такая тенденция, вероятно, будет увеличивать социально-экономическое неравенство под влиянием коронакризиса. Повышение и без того высокого уровня социального расслоения в перспективе может оказаться значимым фактором роста социальной напряженности [Гасанов, 2017].

Это подтверждается и различиями по уровню дохода: чем состоятельнее респондент, тем чаще он является оптимистом и реже — пессимистом. Молодежь смотрит в будущее оптимистичнее: чаще ожидает улучшений (23%) и реже — ухудшения (15%) своего благополучия, в то время как в самой старшей возрастной группе наблюдается соотношение оптимистов и пессимистов примерно 1 к 4. Как видим, молодость остается значимым фактором позитивных ожиданий в ближайшем будущем. Наличие собственного бизнеса также является значимым ресурсом для оптимизма: предприниматели чаще других рассчитывают на улучшение своего благополучия (35%).

Индивидуальный оптимизм россиян носит осторожный характер. Ключевыми ресурсами для него являются возраст, уже достигнутый уровень благосостояния и наличие собственного дела, что чаще всего подразумевает наличие собственности.

Индексом индивидуального оптимизма назовем отношение доли ожидающих улучшения личного материального положения к доле опасющихся его ухудшения. Равное единице значение данного индекса в той или иной социальной группе указывает на равенство численности оптимистов и пессимистов. Чем оно ближе к нулю, тем больше доля пессимистов; чем выше — тем больше доля оптимистов. В начале февраля 2021 г. индекс индивидуального оптимизма составил 0,61.

Более трети (38%) наших сограждан полагают, что экономическая ситуация в стране в ближайший год ухудшится. Улучшение ситуации прогнозирует почти

каждый пятый (19%), то есть на одного социального оптимиста (прогнозирующего улучшение экономической ситуации) в России приходится двое пессимистов (прогнозирующих ее ухудшение). О стабилизации экономики на нынешнем уровне говорят 43% опрошенных.

Как видим, россияне скептически оценивают перспективы восстановления российской экономики и дальнейшего экономического развития страны после пандемийного кризиса. Более того, их пессимизм в отношении экономики в целом значимо глубже, чем в отношении собственного материального положения, то есть ухудшение, по их мнению, будет происходить прежде всего в каких-то других социальных группах. Респонденты оценивают собственные возможности противостоять неблагоприятным обстоятельствам выше, чем возможности других россиян.

На оценку ситуации в стране в целом влияет прежде всего оценка собственного материального положения. Индивидуальные оптимисты чаще рассчитывают на улучшение экономической ситуации в стране в целом (38%), в то время как пессимисты чаще предсказывают продолжение экономического кризиса в России (64%). Тем не менее каждый пятый оптимист (21%) опасается ухудшения ситуации в стране, то есть возможность личного противостояния проблемам не всегда предполагает наличие такой возможности у других россиян.

Чаще всего ухудшение экономической ситуации в стране прогнозируют предприниматели (54%), то есть те люди, которые лучше других осведомлены о ситуации в экономике. Столь же скептичны служащие (54%), специалисты (47%), люди с высшим образованием, молодежь, мужчины (по 44%) — в целом те группы, которые еще несколько лет назад были драйверами экономического роста. С возрастом уровень социального оптимизма повышается. Социальный пессимизм же доминирует в младших возрастных группах. Пессимистичнее других перспективы российской экономики оценивают работники частного сектора (45%), а оптимистичнее всего — неработающие люди (31%) и пенсионеры (29%).

Индексом социального оптимизма назовем отношение доли ожидающих улучшения ситуации в стране к доле опасующихся ее ухудшения. Равное единице значение этого индекса в той или иной социальной группе отражает равенство численности оптимистов и пессимистов. Чем ближе оно к нулю, тем больше доля пессимистов, чем оно выше, тем больше доля оптимистов. В начале февраля 2021 г. индекс социального оптимизма составил 0,50.

Экономический кризис как фактор протестной мобилизации. Если перспективы личного благосостояния человек в состоянии оценить, исходя из представления о своих возможностях в имеющихся условиях, то о положении в экономике он судит не только по своей ситуации и ситуации своего ближайшего окружения, но и по информации из средств массовой коммуникации, особенно в том, что касается других социальных групп, непосредственного контакта с которыми у индивида нет. И если данная социальная группа, например пенсионеры, оценивает свои перспективы хуже, чем перспективы национальной экономики, значит, эта группа полагает, что другие группы справляются с неблагоприятными обстоятельствами жизни лучше, чем они. С другой стороны, россияне с высшим образованием оценивают свои возможности в ближайшем будущем выше, чем те,

че образование ниже. Это указывает на то, что первые не считают себя наиболее депривированной группой и размещают себя дальше относительно полюса неблагополучия, чем те, кто окончил лишь среднюю школу или техникум. Соотношение численности индивидуальных и социальных оптимистов показывает, насколько далеко данная социальная группа размещает себя относительно полюса неблагополучия в стране.

Для измерения степени групповой депривации мы используем индекс неблагополучия, представляющий собой разность между индексом индивидуального оптимизма и индексом социального оптимизма. Отрицательное значение индекса говорит о том, что данная группа населения ощущает себя хуже, чем население в целом. Положительное значение показывает степень удаленности от полюса неблагополучия.

В эпицентре неблагополучия размещает себя низкодоходная группа населения (–0,14), а наибольшее значение индекса наблюдается в самой обеспеченной группе россиян — высокий доход (2,34). Старшие возрастные группы предполагают, что их положение хуже, чем ситуация в других группах (индекс благополучия –0,53), а молодежь, напротив, уверена в том, что ее ситуация лучше, чем у других соотечественников (индекс благополучия 1,17).

Доминирующие в массовом сознании пессимистичные прогнозы относительно перспектив российской экономики подтверждаются результатами ее комплексных исследований, отраженными в докладе ведущих российских экономистов, опубликованном под редакцией К. Рогова [Застой-2, 2021]. В наибольшей степени пострадали от проявлений кризиса те, кто и до пандемии имел серьезные финансовые трудности, что создает дополнительные риски для роста социального расслоения и, соответственно, социальной напряженности. Однако пока что снижение уровня жизни и социальный пессимизм не стали факторами роста протестных настроений и протестной мобилизации недовольных властью россиян: государственному аппарату довольно успешно удается разрушать протестную мобилизацию оппозиционных сил, переводя коллективные экономические проблемы на индивидуальный уровень.

Отношение россиян к президенту как условие протестной мобилизации оппозиции

Отношение людей к действующему главе государства является важным фактором протестной мобилизации сторонников оппозиции: чем выше уровень поддержки президента, тем меньше человеческих ресурсов остается у оппозиции для привлечения людей на свою сторону и вовлечения в протестные действия. В России рейтинг В. Путина остается довольно высоким. Более половины жителей страны (53 %) считают, что он защищает их интересы. Противоположной точки зрения придерживаются 29 % опрошенных. Большинство россиян также верят в способность Путина обеспечить стабильность (64 %) и развитие (59 %) страны в ближайшие три года. Эти две оценки сильно дифференцируют сторонников и противников нынешнего президента, то есть тех, кто считает, что деятельность российского лидера способствует или не способствует решению проблем, стоящих перед страной.

Сторонники Путина значимо чаще верят и в стабильность (83%), и в развитие (83%) России при нем. Его противники, напротив, чаще считают, что он не сможет обеспечить ни стабильности (60%), ни развития (72%) страны в ближайшие три года.

Почти трое из каждых пяти (59%) россиян полагают, что деятельность Путина способствует решению проблем, стоящих перед страной. Не согласен с ними каждый пятый житель России (20%).

Женщины чаще одобряют работу нынешнего президента, чем мужчины (65% против 51%), а мужчины чаще высказывают неодобрение его деятельности (26% против 20%).

Чем старше люди, тем чаще они лояльны Путину: от 47% одобряющих его деятельность среди тех, кому от 18 до 29 лет, до 65% таковых среди самых старших россиян. Чаще других не одобряют работу Путина россияне до 44 лет (24% против 16% среди тех, кому 45 лет и больше).

Связанные с экономическим кризисом финансовые проблемы становятся фактором снижения уровня одобрения работы Путина. Среди столкнувшихся с ухудшением своего финансового положения менее половины (46%) одобряют и 29% не одобряют деятельности Путина. Как видим, уже произошедшие изменения благосостояния, хотя и влияют на оценку работы президента, но качественно ее не изменяют. А вот ожидаемые изменения личного благосостояния меняют эту оценку: среди индивидуальных пессимистов на 36% сторонников Путина приходится 42% его противников. Социальные пессимисты не дают однозначной оценки: среди них по 39% сторонников и противников российского лидера. Итак, опасаящиеся ухудшения своего благосостояния россияне связывают эту перспективу с деятельностью Путина и, вероятно, дальнейшее ухудшение экономической ситуации будет сокращать его поддержку, что дает оппозиции шансы расширить свое влияние и создает поле для политической мобилизации оппозиционно настроенных граждан.

На основе трех вопросов о способности Путина сохранить стабильность в стране, обеспечить ее развитие и защиту таких людей, как сам респондент, авторы составили индекс, объединяющий респондентов, наиболее позитивно и негативно оценивающих деятельность Путина. Мы разделили участников опроса на четыре группы по степени поддержки президента:

1) ядро противников (считающих, что Путин не защищает их интересы и не сможет обеспечить ни стабильность, ни развитие России) — 11%,

2) ядро сторонников (полагающих, что Путин защищает их интересы и сможет обеспечить и стабильность, и развитие страны) — 40%,

3) периферия противников (респонденты, не давшие ни одной положительной оценки по всем трем вопросам) — 13%,

4) периферия сторонников (давшие хотя бы одну положительную оценку хотя бы по одному из трех рассматриваемых вопросов) — 36%.

В ядро противников Путина вошли 11% россиян. Больше всего их среди предпринимателей (22%). Наиболее критично к Путину относятся те, кто счел результаты голосования по внесению поправок в Конституцию полностью сфальсифицированными (40%). На отношение к Путину влияет информационное поле,

в котором пребывает человек. Представителей ядра противников президента больше среди тех, кто слышит отрицательные отзывы о нем в СМИ (31%), в личном общении (29%) и в интернете (25%), и тех, кто открыто критикует его деятельность в разговорах с другими людьми (34%). При этом даже среди них большинство предпочитает открыто не критиковать Путина в разговорах с кем-либо. Возможно, это связано с опасением политических преследований или с рисками социального неодобрения и формированием «спирали молчания» по Э. Ноэль-Нойман относительно критики главы государства [Ноэль-Нойман, 1996]. Этот вопрос требует дополнительных исследований.

Оценки экономической ситуации прямо связаны с отношением к действующему президенту. Представителей ядра противников Путина больше среди тех, чье благосостояние уже ухудшилось (18%), но особенно среди тех, кто ждет его ухудшения в ближайшем будущем (27%). Как видим, ядро противников составляют те, кто экономически активен, но не видит позитивных перспектив для себя и страны, а также находится в информационном поле, скорее поддерживающем убежденность в правильности своей точки зрения.

Представителей ядра противников президента больше среди посмотревших фильм Алексея Навального «Дворец для Путина» (28%), одобряющих акции в поддержку Навального (43%) и сопротивление разгону митингов (27%), чаще прогнозирующих усиление политических преследований в ответ на такие митинги (24%). Респондентов, входящих в ядро противников Путина, больше и среди принимавших участие в уличных акциях за последние десять лет (24%) и среди тех, у кого возникало желание поучаствовать в акциях протеста (52%).

К периферии противников Путина, как и в случае ядра, чаще относятся мужчины (17%). В целом с разной степенью критичности оценивают деятельность российского президента 30% мужчин. К периферии противников Путина относятся россияне в возрасте 45—54 лет (20%).

Так же, как и в случае ядра противников, периферию составляют обладатели самых низких доходов (20%), столкнувшиеся с ухудшением своего материального положения за прошедший год (17%), индивидуальные и социальные пессимисты (по 20%). Среди тех, кто опасается ухудшения личного благосостояния, доли ядра (27%) и периферии (20%) противников Путина в сумме едва не достигают половины (47%). Иначе говоря, пессимисты в целом возлагают ответственность за усугубление кризисных тенденций на Владимира Путина.

Периферия противников Путина, хотя и критикует его деятельность, но делает это значительно реже и не склонна к активному участию в каких-то протестных действиях, хотя и поддерживает протест в целом. Среди тех, кто не собирался принимать участие в митингах, примерно каждый третий-четвертый (29%) входит в эту группу. Чаще других они встречаются среди тех, кто одобряет проведение митингов (19%), а также среди тех, кто не ходил на голосование о внесении поправок в Конституцию (19%). Вероятно, представители этой группы концентрируются среди разочаровавшихся в выборах, но не готовых к активному протесту. Отчасти это связано с тем, что они не видят достойного конкурента Владимиру Путину. Так, среди тех, кто мог бы проголосовать за действующего президента, к периферии противников относится лишь каждый двадцатый (5%), но и среди возможного

электората Алексея Навального к ним относятся только 17 %. А вот среди настроенных против обоих доля периферии возрастает до 32 %. Можно предположить, что в случае большего разнообразия оппозиционных лидеров протест получил бы большую поддержку, в том числе активную. Представители данной группы создают социальный ресурс оппозиции, в случае успешной протестной мобилизации которого оппозиция может укрепить свое положение.

Отношение к деятельности Владимира Путина на президентском посту остается центральным вопросом политической мобилизации как сторонников действующей власти, так и ее противников. Высокий рейтинг Путина — один из основных сдерживающих факторов протестной мобилизации россиян: ядро сторонников Путина оказалось почти в четыре раза больше ядра его противников. Против действующего президента чаще выступают люди младшего среднего возраста, занятые в частном секторе экономики, столкнувшиеся с экономическими проблемами и не видящие перспектив финансового благополучия ни для себя лично, ни для страны в целом. Среди представителей ядра противников Путина уровень протестной мобилизации довольно высок — более половины из них имели желание принять участие в протестных акциях. Однако периферия его противников, содержащая значимый социальный ресурс оппозиции, оказалась слабо мобилизованной. Она объединила людей, в целом недовольных действующей властью, но политически довольно пассивных и тем более не готовых к участию в уличных акциях.

Фильм «Дворец для Путина» как ресурс протестной мобилизации

Фильм Алексея Навального получил довольно широкую известность среди россиян. О нем на момент опроса знали 88 % респондентов. Лишь 12 % опрошенных не информированы о данном фильме. При этом большинство опрошенных сообщили, что не смотрели фильм (60 %). Посмотрели фильм полностью 18 %, частично — 10 %. Статистика на канале YouTube на 18.02.2021 г. говорит о 114 млн просмотров фильма всего и около 70 млн просмотров с российских IP. По данным опроса, суммарно фильм посмотрели 28 % жителей страны старше 17 лет, или примерно 32 млн россиян.

YouTube и другие социальные сети стали для сторонников Навального основными каналами протестной мобилизации: «...Узнала о проведении митинга из видео, опубликованном на канале „Штаб Навального в Самаре²“ в „YouTube“, у меня на них стоит „колокольчик“, сразу знала место и время» (Ж., 19 лет, студентка колледжа); «...Об этом много писали в интернете, встречала записи в социальной сети „ВКонтакте“ и Instagram. Также узнала от своих друзей» (Ж., 17 лет, учится в колледже). Поддержка со стороны популярных личностей также помогла мобилизовать участников протеста: «...Узнала информацию через соцсеть Instagram — таких как Луна, Нойз MC, Анакондаз, Семья Навальных» (Ж., 17 лет, учится в колледже). Несмотря на то, что социальная сеть TikTok — одна из самых популярных сегодня, всего несколько сторонников Навального упомянули, что получили информацию из нее: «...О митинге я узнала через интернет, TikTok, Instagram» (Ж., 19 лет, работает и учится в университете). Наши информанты отметили, что главными

² Включен в перечень экстремистских организаций, деятельность запрещена на территории РФ в соответствии с решением Московского городского суда от 09.06.2021.

каналами информирования о митинге для них стали социальные сети: «ВКонтакте», Instagram и YouTube. В основном информация была распространена в группах, новостной ленте «ВКонтакте», а также в видео с каналов Алексея Навального. TikTok внес не такой большой вклад в информирование населения.

Распространение сторонниками своих взглядов, агитация своего социального окружения — важные ресурсы протестной мобилизации оппозиции. Наши информанты не занимаются политической агитацией, однако обсуждают оппозиционную повестку с друзьями и знакомыми: «...Первый раз узнала после просмотра расследования Навального, а потом уже, естественно, это все обсуждалось и с друзьями, и с коллегами, и в целом в интернете очень много информации об этом было» (Ж., 23 года, работает); «...Я никого не звал, потому что понимал, что все уже туда идут» (М., 26 лет, работает); «...На шествие я никого не звала, только спрашивала у друзей и знакомых, собираются ли они принять в нем участие» (Ж., 19 лет, студентка колледжа).

Отношение к российскому президенту и просмотр фильма «Дворец для Путина» однозначно связаны. Среди ядра его сторонников фильм полностью посмотрели лишь 11 %, среди периферии сторонников Путина аудитория составила уже 15 %. При этом и сторонники, и противники президента информированы о фильме примерно в одинаковой степени.

Аудиторию фильма составили молодежь (34 % против 28 % среди населения в целом), жители крупных городов (36 %) и наиболее образованные россияне (33 %). Напротив, на социальной периферии (сельское население, низкий уровень образования) фильм проигнорировали. У работников бюджетной сферы фильм оппозиционера популярностью не пользовался: лишь каждый пятый в той или иной степени посмотрел его (20 %). Работники частного сектора, напротив, внимательнее отнеслись к истории о коррупции (28 %). Но значительную популярность фильм получил у собственников частных предприятий — двое из пяти российских предпринимателей (40 %) познакомились с ним. Люди с высоким доходом также чаще смотрели фильм Навального (37 % против 28 % в среднем по выборке). Можно предположить, что фильм про коррупцию привлек внимание тех групп, для которых данная тема более актуальна, чем для населения в целом.

Чаще других фильм смотрели потенциальные избиратели А. Навального (75 %). При этом важно, что почти каждый пятый сторонник (21 %) оппозиционера не смотрел его фильм. Иначе говоря, для поддержки Навального достаточно того его образа, который сложился до и вне его фильма.

Однако данный фильм помог мобилизовать сторонников Навального на активные протестные действия. Большинство из них посмотрели фильм, на некоторых он произвел довольно сильное впечатление, добавив каналу Навального подписчиков: «Я подписана на его YouTube-канал, смотрю его выпуски. Смотрела последнее расследование про „Дворец Путина“. Если честно, я была шокирована!» (Ж., 21 год, учится); «Последнее выпущенное видео повергло меня в шок, поэтому я подписался на его YouTube-канал» (М., 20 лет, учится). Что касается отношения к фильму «Дворец для Путина», то сторонники оппозиционера высоко оценивают его качество: «Очень грамотно выстроен» (М., 22 года, работает), — и качество других фильмов Навального: «Фильмы ФБК смотрю с большим удовольствием,

были бы на „Кинопоиске“, поставила бы максимальную оценку» (Ж., 19 лет, учится в колледже).

Не желающие голосовать ни за Путина, ни за Навального чаще среднего респондента были вовлечены в просмотр (34 %). Сторонники Путина, напротив, реже других смотрели данный фильм (22 %). Вероятно, содержание фильма не превращает зрителя в однозначного сторонника Навального, но разрушает образ Путина как безупречного лидера. Последнее утверждение можно рассматривать как гипотезу, поскольку у нас не было измерений, предшествующих данному.

Среди ядра противников президента фильм посмотрели чуть больше половины (56 %), в то время как среди представителей периферии противников фильм так или иначе посмотрел лишь каждый третий (35 %). Однако приверженцы политики президента (ядра и периферии сторонников) фильм смотрели еще реже — 21 %-25 %. Большинство же фильм проигнорировали вовсе — 65 %. Как видим, фильм хорошо дифференцирует сторонников и противников действующего президента и, вероятно, сыграл свою роль в формировании этого разделения.

Алексея Навального можно с уверенностью назвать ключевым политическим актором российской протестной мобилизации. Большинство представителей ядра противников президента готовы поддержать его главного оппонента. Фильм Навального «Дворец для Путина» не поменял расстановку политических сил в России, однако стал значимым информационным ресурсом протестной мобилизации противников действующей власти и, как минимум, повысил известность Навального в российском обществе. Наибольшая аудитория фильма выявлена среди более протестно ориентированных групп населения: молодежи, жителей крупных городов, работников частного сектора, частых пользователей интернета. Среди сельчан и бюджетников фильм популярность не приобрел.

Уровень поддержки населением протестной мобилизации оппозиции

Протестная мобилизация оппозиции наиболее ярко проявляется в уличных акциях. Успешность такой мобилизации в значительной степени зависит от ее поддержки со стороны населения. Уровень этой поддержки измерен в данном исследовании. Девять из десяти россиян (90 %) знают о митингах в поддержку Алексея Навального, прошедших в январе 2021 г. Чаще на периферии информационного поля оказываются жители сельской местности, люди младшего среднего возраста (30—44 лет) и представители низкодоходной группы: информированность о митингах в этих группах ниже общероссийского уровня, но все же и среди них о митингах знает подавляющее большинство (по 86 %).

Большинство граждан не одобряют проведение январских акций протеста (59 %). Лояльность январским митингам в поддержку А. Навального (13 %) не выходит на уровень ярко выраженных оппозиционных настроений, то есть данная протестная мобилизация пока не находит широкой массовой поддержки. Даже ядро противников Путина поддерживает митинги лишь частично: каждый второй (49 %) одобряет, а каждый пятый (19 %) не одобряет их проведение. Периферия противников президента не отвергает категорически данные акции (29 % не одобряющих), но, с другой стороны, втрое реже убежденных оппозиционеров готова их поддержать (18 %). Для них данный формат неоднозначен: оценить свой уровень

лояльности митингам затруднилась почти треть (31%). Примечательно, что среди респондентов, отнесенных к ядру противников Путина, затруднившихся сформулировать свое отношение также немало — 19%.

Одобрение протестной активности и отношение к двум главным действующим лицам российской политики хотя и связано, но однозначной зависимости здесь нет. Среди не поддерживающих президента есть немало тех, кто не одобряет несогласованных с властями уличных протестов, что снижает эффективность протестной мобилизации.

Мужчины одобряют митинги чаще женщин (16% против 10%), протесты находят поддержку чаще среди молодежи (18%). С возрастом растет неприятие митингов: среди молодежи уровень неприятия акций протеста составляет 48%, среди старшего поколения россиян — 75%. Также возрастает неприятие уличной активности с повышением уровня образования — с 53% до 63%. Таким образом, главным ресурсом протестной мобилизации является возраст. Аналогично дифференцирует отношение к протестам уровень дохода: чем ниже доход человека, тем выше уровень одобрения протестных акций.

Большой ресурс протестной мобилизации обнаружился в частном секторе экономики: критика митингов среди занятых в данном секторе ниже общероссийского уровня, а одобрение выше, в особенности у собственников частных предприятий (25%). Нельзя исключать и тривиальную боязнь занятых в государственном секторе открыто одобрять несанкционированную государством протестную активность.

Многие люди выходят на уличные акции, когда не видят перспектив улучшения своей жизни. Почти каждый четвертый (24%) индивидуальный пессимист одобряет такие акции, а среди тех, кто рассчитывает сохранить свой нынешний уровень благосостояния, против митинговой активности выступают две трети граждан (66%). Можно предположить, что ухудшение экономической ситуации будет изменять отношение жителей России к уличным протестам.

Наивысший уровень лояльности к митингам в поддержку А. Навального наблюдается среди его потенциального электората (63%). Фильм «Дворец для Путина» существенно мобилизовал его зрителей на поддержку митингов, но ключевым стимулом для участия он не стал: соотношение поддержавших и не поддержавших протестную активность в аудитории фильма близко к балансу (33% и 37% соответственно).

Январские митинги в поддержку Алексея Навального как проявление протестной мобилизации

Уличные протесты редко рассматриваются россиянами в качестве приемлемого способа протестной мобилизации. Лишь 13% одобряют проведение уличных акций, только у 9% россиян возникало желание участвовать в митингах оппозиции, и всего 1,4% опрошенных сообщили, что принимали участие в январских протестах. По данным «Штаба Навального»³, в этих акциях участвовало не более 300 тысяч человек. Наша выборка, вероятно, смещена в сторону более политиче-

³ Включен в перечень экстремистских организаций, деятельность запрещена на территории РФ в соответствии с решением Московского городского суда от 09.06.2021.

ски (и протестно) активной части населения. В любом случае участники протестов не скрывали своего участия в акциях в ходе телефонного опроса.

Ядро протеста составляют мужчины, граждане экономически активного возраста, жители столицы и крупных городов, те, кто посмотрел фильм «Дворец для Путина». На шествие и митинг не пришел практически никто из тех, кто составляет ежедневную аудиторию российского ТВ. Участники январских протестов редко голосовали по поправкам к Конституции. Очевидно, эти люди предполагают, что процесс голосования не отражает волю избирателей. Таким образом, подтверждается гипотеза о смещении вектора протестной мобилизации из электорального поля в сферу уличной активности. Значимая часть политически активных россиян игнорирует выборы, считая невозможным повлиять на власть через электоральные процедуры и действуя лишь через уличные протесты.

Большинство россиян не одобряют разгон мирных протестов силовиками (полицией, Росгвардией и пр.), даже если они не были согласованы с властями (55%). Однако в еще большей степени люди не одобряют сопротивление протестующих силовикам (72%).

К сторонникам протеста мы отнесли тех, кто не одобряет разгон не санкционированных властями, но мирных акций и одобряет сопротивление разгону таких акций. Противниками протеста мы назвали тех, кто одобряет разгон подобных митингов и не одобряет конфронтацию с силовиками при их разгоне. Сегодня в России примерно 7% населения, по крайней мере вербально, готово к участию или поддержке такого рода уличного силового противостояния. В пересчете в абсолютные цифры это несколько миллионов человек. Против такой поддержки высказалось около 20% россиян. Примерно двое из каждых пяти (39%) не поддерживают пока ни одну из сторон, остальные вообще отказались сформулировать свою точку зрения. Таким образом, на одного сторонника приходится почти три противника протеста. То есть, с одной стороны, у оппозиции не так много ресурсов для протестной мобилизации. С другой стороны, исследование Эрики Ченовет и Марии Стефан показало, что участие в мирных протестах 3,5% населения чаще всего оказывается достаточным для смены власти — протестная мобилизация такой доли населения в сегодняшних российских условиях представляется вполне реальной [Chenoweth, Stephan, 2011].

Сторонники протеста находятся в информационном поле, где доминирует критика деятельности Путина (14%—16%). Среди тех, кто намеревался участвовать в январских митингах, их треть (33%). Среди тех, кто одобряет акции, — 26%. В числе уверенных в том, что голосование по поправкам было «грандиозной фальсификацией», сторонником активного протеста является каждый четвертый (25%). Далеко не все сторонники Навального готовы поддержать такой протест (26%), но среди тех, кого не устраивает ни Путин, ни Навальный, таких 13%. Как видим, значительная часть активных сторонников протеста не поддерживает Алексея Навального. Значимо выше их доля среди тех, чье материальное положение в последний год ухудшилось. Вероятно, рост числа россиян, полагающих, что их благосостояние ухудшилось, будет увеличивать и долю готовых к силовому протесту.

Уличная протестная активность в глазах большинства россиян не является легитимной формой политической мобилизации — чаще всего они воспринимают ее

как чересчур радикальную форму политического действия: большинство респондентов не поддержали январских акций оппозиции. Низкая степень общественного одобрения составляет ключевую проблему для протестной мобилизации оппозиционных сил. Значимая часть политически активных россиян игнорирует выборы, считая невозможным повлиять на власть через электоральные процедуры и действуя лишь через уличные акции. Отсутствие личных перспектив является наиболее значимым мотивом участия в несогласованных публичных мероприятиях. Если у людей есть надежда на высокий социальный статус — реальный (бюджетники, специалисты) или ожидаемый (молодежь, студенты, индивидуальные оптимисты), то их сложнее мобилизовать на участие в уличных акциях, так как они опасаются политических преследований как реакции на уличный протест.

Ожидание реакции власти на протесты как фактор одобрения протестной мобилизации

Лишь треть россиян (34 %) полагают, что после январских уличных акций власть будет чаще прислушиваться к народу. Им оппонирует примерно такая же часть респондентов (31 %), уверенных, что власть ответит лишь усилением политических преследований.

Сопоставляя доли россиян, одобряющих протесты (13 %), и ожидающих усиления преследований после этих протестов (31 %), можно предположить, что часть населения страны не одобряет уличные акции как форму протестной мобилизации лишь потому, что опасается репрессий. Они не боятся сказать о своем одобрении протестов и не одобряют протесты, потому что считают, что те провоцируют усиление политических преследований, то есть, если бы власть не демонстрировала готовность преследовать участников, уровень одобрения уличной активности был бы выше. Опасение репрессий разделяется и самими участниками январских акций. Треть опрошенных участников самарского митинга 21 января, идя на него, опасались за свою жизнь и здоровье: *«В первую очередь, было, наверное, больше страшно за жизнь, также, наверно, за здоровье»* (Ж, 24 года, работает). Их переживания возникли на фоне жесткого применения силы со стороны ОМОНа: *«Изначально опасений никаких не было, но после действий ОМОНа опасения за здоровье появились»* (М, 25 лет, работает). Многие опасались репрессий в учебных заведениях: *«Я немного переживала из-за того, что могли быть проблемы в колледже, так как был слухок о том, что могут отчислить за участие в этом митинге»* (Ж., 19 лет, учится в колледже). Но были и те, чье недовольство нынешним политическим курсом превзошло беспокойство, и они не сомневались в правильности своих действий: *«Опасений не было. У меня социальная позиция того, что много накопилось всего, что не устраивает»* (М, 20 лет, учится). Таким образом, большинство митингующих опасались за здоровье и за возможный арест и его последствия.

Для измерения доли тех, кто может не одобрять протесты по причине опасения преследований со стороны государства, мы вычтем долю одобряющих протесты из доли тех, кто ожидает усиления политических преследований. Доля этой группы, которую можно назвать осторожными сторонниками протеста, составляет 19 %, то есть к ней относится почти каждый пятый россиянин. В целом они не испы-

тывают симпатий к Путину, но и его яркими противниками тоже не являются. Их значимо меньше среди представителей ядра сторонников Путина (15%), а также среди тех, кто не согласен с разгоном мирных, но несогласованных акций протеста (13%). При этом их больше среди нейтрально относящихся к протесту (26%) и занимающих промежуточную позицию относительно одобрения деятельности Путина (28%). Вероятно, эту группу можно разделить на две. Первую составляют жители страны, настроенные более оппозиционно к ее руководству и тому, как оно относится к протестным действиям, что закреплено в законах, ограничивающих уличную активность. Вторую группу составляют те, кто уклоняется от оценок руководителя страны и протестующих.

Молодежь, которая была двигателем протеста, приняла бы более активное участие в нем, если бы не опасалась нарастания репрессий. Доля осторожных сторонников протеста достигает максимума среди молодежи — 32% — и уменьшается с возрастом: среди самых старших респондентов она составляет 7%. Осторожных сторонников протеста больше в числе студентов (43%), домохозяек (30%), специалистов (26%), бюджетников (24%), но меньше среди самых малообеспеченных респондентов (6%). Вероятно, низкий социальный статус снижает долю именно осторожных сторонников протеста: те, кто не занял высокой позиции в обществе, особенно себя не сдерживают и готовы активно протестовать. А вот среди тех, кто рассчитывает на улучшение своего благосостояния в ближайший год, доля осторожных сторонников протеста возрастает (24%). Реальный или ожидаемый высокий социальный статус блокирует поддержку уличной активности как формы протестной мобилизации, вытесняя ее из массового сознания и заменяя на опасения политических преследований. Осторожных сторонников протеста больше всего в числе тех, кто не смотрит телевизор (28%) и в группе видящих негативные отзывы о деятельности Путина в интернете (26%). Можно предположить, что вышедшие из-под влияния государственных СМИ и получающие информацию о политике в интернете скептически оценивают работу российской власти, но ищут другие формы протестной мобилизации, нежели уличные акции. В группах респондентов, получающих информацию преимущественно из государственных СМИ, напротив, доля осторожных сторонников протеста минимальна — 7% среди не использующих интернет.

Сформированный в массовом сознании образ участников акций протеста исследован нами при помощи открытого вопроса: «Как вы думаете, кто принял участие в этих акциях? Представители каких социальных групп вышли на митинги и шествия?» При ответе на этот вопрос сторонники и противники протеста сходятся лишь в одном — на митинг вышла молодежь (30% и 43%). Противники уличной активности особенно настаивают на участии подростков («школьники», «дети», «юнцы») — 10%—14%, среди сторонников протеста таких оценок очень мало — 2%—4%. Тем самым, вероятно, противники хотели принизить самостоятельность участников. Напротив, сторонники называли протестующих активными людьми (18%—20%). Также в этих группах часто звучит предположение о социальном недовольстве как основном двигателе протеста (15%—20%).

В той или иной степени одобряющие протест респонденты пытались более точно описать социальные группы, принявшие в нем участие: средний класс (8%—9%),

пенсионеры (6%—8%), люди среднего возраста (3%—6%). Таких оценок противники уличных акций почти не дают, зато они не жалеют обвинений и резких отрицательных оценок личностей протестующих — «глупые люди» (22%—25%), «оплаченные» (10%—11%), «люди, у которых много свободного времени» (11%—14%), а также «маргиналы» и «предатели» (по 3%). Глупыми и недальновидными людьми участников протеста называют и противники Путина, не приемлющие уличных акций как формы протестной мобилизации.

Таким образом, противники протеста приписывают его участникам традиционные метки, используемые для социальной эксклюзии несогласных с властью в советский и постсоветский периоды — «маргиналы и предатели Родины». Однако они затрудняются дать какие-то определенные характеристики. Напротив, сторонники протеста дают более или менее четкие его описания, а также характеристики, отражающие мотивацию участников протеста: люди, недовольные ситуацией и готовые активно на нее повлиять.

Участники самарского митинга 21 января демонстрируют высокую устойчивость протестной мобилизации, выражая желание продолжать участие в уличных акциях против нынешнего политического курса: «...Я выйду в следующий раз и выйду еще раз, и еще раз, и еще раз, и еще раз» (Ж., 19 лет, учится в университете); «Я бы принял участие в митинге снова» (М., 22 года, работает); «Как бы мне плохо ни было в эти выходные, я все равно пойду, и второго числа я пойду в поддержку Навального. Я буду теперь ходить на каждый митинг» (Ж., 30 лет, работает). Но были и те, кто высказал нежелание принимать участие в уличных акциях, не добившись быстрого результата: «В стране завтра абсолютно ничего не изменится, и все это бессмысленно по сути. Насчет проведения подобных акций... я не знаю, мне кажется, что они вряд ли что-то изменят» (М., 19 лет, работает и учится в университете); «Честно говоря, особого желания выступать в митингах у меня больше нет, смысла не вижу в них» (М., 18 лет, учится).

При этом многие выходят на уличные акции, не надеясь получить результат в обозримом будущем: «...Как бы прискорбно это ни звучало, но в нашей стране мирные акции, скорее всего, ничего не изменят и не решат» (Ж., 23 года, работает); «Все так же пройдет. Кого-то задержат, все покричат, разойдутся» (М., 19 лет работает и учится в университете). Иными словами, для многих участников уличных акций они не являются средством достижения политических целей. Это участие в митингах не с целью изменить политическую ситуацию, а чтобы высказать несогласие с действующим политическим курсом, не видя возможности что-либо в нем поменять. Опираясь на классификацию видов социального действия Макса Вебера, можно сказать, что уличные акции для многих их участников — действие не целерациональное, а ценностно-рациональное, то есть они выходят не для того, чтобы что-либо изменить, а потому что не могут поступить иначе, не могут спокойно смотреть на политическую ситуацию, кажущуюся им несправедливой. При этом некоторые говорят о необходимости долгой борьбы для достижения политических целей: «Чтобы получить хоть какой-нибудь результат, нужно выходить регулярно» (Ж., 19 лет, студентка колледжа).

Опасение политических преследований стало сильным сдерживающим фактором для протестной мобилизации российской оппозиции. Около трети опрошен-

ных прогнозируют усиление политических преследований после январских акций. Почти каждый пятый россиянин (19 %) может не поддерживать уличные акции по причине опасения репрессий. Большинство участников январских акций признались, что опасались возможных репрессий из-за своей протестной активности. Характеристики образа участников январских акций значительно отличаются среди сторонников и противников протеста не только модальностью оценочных суждений и риторическими средствами описания, но и подходом к характеристике участников: сторонники протеста пытались как можно точнее описать социальные группы, представители которых вышли на акции, тогда как противники без колебаний навешивали на участников оскорбительные ярлыки, придуманные еще советской пропагандой. Многие из участников январских акций воспринимают свою протестную активность не как политическую борьбу, а как форму манифестации своих ценностей: они не очень-то рассчитывают на изменение ситуации в стране, но не готовы спокойно мириться с политическими условиями, кажущимися им несправедливыми.

Обсуждение результатов

Оценки экономической ситуации в стране и перспектив ее изменения не становятся значимым фактором протестной мобилизации — гипотеза не подтвердилась. Только столкнувшиеся с ухудшением своего личного материального положения чаще вовлекаются в протестную мобилизацию (15 % против 7 % сведи всех). Таким образом, личные финансовые трудности значительно сильнее влияют на протестную мобилизацию, чем признание экономических проблем в стране. Кроме того, на снижение протестной мобилизации влияет формируемое государственными СМИ мнение, что общая ситуация в России лучше, чем она есть на самом деле. Ежедневная аудитория ТВ оценивает экономическое положение значимо выше, чем личное благополучие, а интернет-аудитория, напротив, заметно ниже. То есть государственным СМИ удается убедить свою аудиторию, что другие россияне живут лучше них. Пользователи интернета, где предполагается поиск и конкуренция информации, напротив, чаще уверены в том, что другие россияне живут хуже них. Интернет становится важным средством распространения информации, способной мобилизовать протестные настроения россиян, в то время как государственные СМИ пока что довольно успешно переводят коллективные экономические проблемы на индивидуальный уровень, снижая уровень протестной мобилизации.

Негативно относящиеся к деятельности Владимира Путина на президентском посту россияне чаще склонны участвовать в акциях протеста и поддерживать их проведение, однако даже твердые противники Путина редко поддерживают уличные протесты — гипотеза подтвердилась частично. Многие из них не поддерживают уличные акции как форму протестной мобилизации населения. На уровень поддержки митингов влияют образование и возраст: люди с высшим образованием реже одобряют протест. Это одобрение также снижается с увеличением возраста. Данные факторы будут сдерживать рост численности и активность уличных протестов. Значительный ресурс протестной активности обнаружился в частном секторе экономики. Однако здесь нельзя исключать

и тривиальную боязнь занятых в государственном секторе открыто одобрять несанкционированные митинги.

Стремление к политическим изменениям, присущее политическому протесту, дополняется значимым ухудшением экономической ситуации: те, кто опасается усугубления экономических проблем, чаще одобряют участие в акциях. Уровень поддержки российского президента остается довольно высоким, сокращая тем самым социальный ресурс для протестной мобилизации. Почти трое из каждых пяти (59 %) граждан России с той или иной степенью уверенности полагают, что деятельность президента Путина способствует решению проблем, стоящих перед страной. Каждый пятый житель России (20 %) придерживается противоположного мнения; 53 % россиян считают, что Путин защищает интересы таких людей, как они, 59 % полагают, что он способен обеспечить развитие страны в ближайшие три года, а почти две трети (64 %) согласны с тем, что Путин способен обеспечить в России стабильность. В зависимости от ответов на эти вопросы россиян можно разделить на четыре группы: ядро сторонников Путина (40 %), периферию сторонников Путина (36 %), периферию его противников (13 %) и ядро противников (11 %). Ядро противников российского президента является базой протестной мобилизации граждан. В него входят те, кто не видит позитивных перспектив для себя и страны, а также находится в информационном поле, скорее поддерживающих убежденность в правильности своей точки зрения. Протестная мобилизация данной социальной группы переходит из поля электоральной борьбы в сферу уличной протестной активности. В отличие от ядра, периферия противников Путина, хотя и критикует его деятельность, но делает это значительно реже и не склонна к активному участию в каких-то протестных действиях, хотя и чаще среднего поддерживает протест в целом. Представители этой группы концентрируются в числе тех, кто разочаровался в выборах, но и уличных акций как формы протестной мобилизации не приемлет.

Фильм «Дворец для Путина» получил большую популярность в оппозиционных кругах, однако стал скорее спусковым крючком, чем основным фактором протестной мобилизации: многие участники акций протеста вышли бы на улицу и без фильма, а среди всего населения только 28 % оказались вовлечены в просмотр. При этом широкая известность фильма могла стать фактором мобилизации и тех, кто сам не смотрел фильм, но в целом знает рассказанную в нем историю. Так что можно сделать вывод, что гипотеза подтвердилась.

Прошедшие акции протеста получили широкую известность среди населения — гипотеза подтвердилась. Сторонникам Алексея Навального удалось мобилизовать информационные ресурсы: абсолютное большинство россиян (90 %) знает о январских митингах в его поддержку. Уличная протестная активность не является для России привычной формой протестной мобилизации, поэтому уровень поддержки населением акций протеста невысок. Примерно каждый седьмой житель страны (13 %) одобряет эти митинги, каждый одиннадцатый (9 %) готов был участвовать в них, а 1,4 % сообщили о своем участии в протестных акциях в январе. Очевидно, что последнее число завышено: по отчетам «Штаба Навального»⁴, в акциях при-

⁴ Включен в перечень экстремистских организаций и их деятельность запрещена на территории РФ в соответствии с решением Московского городского суда от 09.06.2021.

няли участие не более 0,5% российских граждан — такое смещение указывает на то, что респонденты не боялись говорить о своих протестных действиях. Таким образом, в части уровня одобрения протестных акций гипотеза подтвердилась, а в части количества их участников — нет, доля участников оказалась выше, чем мы предполагали.

Как и предполагалось, опасение политических преследований оппозиции стало сильным сдерживающим фактором протестной мобилизации противников действующей власти — гипотеза подтвердилась. Лишь треть россиян (34%) полагают, что после январских уличных акций власть будет чаще прислушиваться к народу. Им оппонирует примерно такая же часть респондентов (31%), уверенных, что власть ответит лишь усилением политических преследований. Иначе говоря, почти каждый третий житель России более или менее допускает, что власти готовы преследовать своих политических оппонентов. Разумеется, они могут опасаться таких преследований и в свой адрес. Сопоставляя доли россиян, одобряющих протесты (13%) и ожидающих усиления преследований после этих протестов (31%), можно предположить, что часть населения страны не одобряет протестную мобилизацию граждан лишь потому, что опасается новой волны репрессий. Они не опасаются сказать о своем одобрении протестов — они не одобряют протесты, потому что считают, что те провоцируют усиление преследований оппозиции. Почти каждого пятого россиянина (19%) можно отнести к группе осторожных сторонников протеста, которые не одобряют уличных акций прежде всего по причине опасения преследований со стороны государства. Эту группу составляют жители страны, либо уклоняющиеся от оценок деятельности власти и участников протестных акций, либо более критично относящиеся к российскому руководству и его реакции на протестные действия, закрепленной в законах, ограничивающих возможности проведения уличных протестных акций.

Заключение

Протестная мобилизация участников январских акций вполне укладывается в структуру условий и составных частей протеста по Ч. Тилли [Тилли, 2019]:

1) Организацию участников можно назвать частично децентрализованной: хотя организацией и информационной поддержкой акций занимались штабы Алексея Навального⁵, участники митингов и шествий слабо интегрированы в деятельность Штабов и демонстрируют довольно высокий уровень самоорганизации; они распространяют информацию в своем окружении и координируют свои действия во время самих протестных акций. По-видимому, опыт акций протеста предыдущих лет, перед которыми сотрудники штабов Навального чаще всего задерживались, научил сторонников оппозиции самостоятельным протестным действиям.

2) Мобилизация участников осуществлялась в первую очередь посредством социальных сетей. Фильм «Дворец для Путина» не стал основным ресурсом протестной мобилизации, однако он повысил уровень известности Алексея Навального, его команды и ее деятельности. Главным мобилизационным достижением фильма стало значительное повышение информированности населения об оппозиционной

⁵ Включены в перечень экстремистских организаций, их деятельность запрещена на территории РФ в соответствии с решением Московского городского суда от 09.06.2021.

повестке, то есть повышение уровня мобилизационного знания по О. Н. Яницкому, которое материализовалось в мобилизационное действие — январские акции протеста [Яницкий, 2012].

3) Общие интересы участников и сторонников протеста кроются прежде всего в недовольстве действующей властью. Поддержка Алексея Навального является важным, но не определяющим ресурсом протестной мобилизации. Среди сторонников протеста довольно велико число тех, кто хотел бы голосовать за кого-то еще.

4) В массовом сознании нынешние обстоятельства не считаются благоприятными для протестной мобилизации: высокий уровень опасения политических преследований в сочетании с довольно высоким рейтингом Путина сужают возможности протестной мобилизации россиян. Однако ухудшение экономической ситуации в стране и снижение шансов на социальную мобильность способны усилить протестные настроения.

Январские акции оппозиции с трудом укладываются в мертоновскую модель реакции приспособления или концепцию институционализированного рационального действия по И. Н. Дементьевой. Российская протестная мобилизация — это скорее ценностно-рациональное действие по М. Веберу: участники протестов выходят на улицы не чтобы поменять власть, а чтобы отстаивать свои ценности, которые они считают погрязшими нынешней российской властью.

Список литературы (References):

Гасанов И. Б. О доверии вообще и к выборам в частности // Гражданин. Выборы. Власть. № 4. 2017. С. 5—38.

Hasanov I. B. (2017) On Trust in General and to Elections in Particular. *Citizen. Elections. Authority*. No. 4. P. 5—38. (In Russ.)

Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Giddens A. (1999) *Sociology*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)

Дементьева И. Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. 2013. С. 3—12.

Dementieva I. N. (2013) Theoretical and Methodological Approaches to the Study of Social Protest in Foreign and Domestic Science. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 3—12. (In Russ.)

Застой-2: Последствия, риски и альтернативы для российской экономики / под ред. К. Рогова. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2021.

Rogov K. (ed.) (2021) *Stagnation-2: Consequences, Risks and Alternatives for the Russian Economy*. Moscow: Liberal Mission. (In Russ.)

Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / пер. с нем., общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова. М.: Прогресс-Академия: Весь Мир, 1996.

Noelle-Neumann E. (1996) *Öffentliche Meinung Die Entdeckung der Schweigespirale* Ullstein. Moscow: Progress-Akademiya, Ves' Mir. (In Russ.)

Тилли Ч. От мобилизации к революции / пер. с англ. Д. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики», 2019.

Tilly Ch. (2019) *From Mobilization to Revolution*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Яницкий О. Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. № 6. 2012. С. 3—12.

Yanitsky O. N. (2012) Mass Mobilization: Problems of Theory. *Sociological Studies*. No. 6. P. 3—12. (In Russ.)

Chenoweth E., Stephan M. J. (2011) *Why Civil Resistance Works. The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.

Eisenstadt S. N. (1978) *Revolutions and the Transformation of Societies*. New York, NY: Free Press.

Merton R. K. (1938) Social Structure and Anomie. *American Sociological Review*. Vol. 3. P. 672—682.

Rosenau J. N. (1990) *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton, NJ: Princeton University Press.